

тренных статьями 124–126, 289, 291, 292, 324, 359 и 360 настоящего Кодекса, –».

Кроме того, предлагаем абзац первый ч. 3 ст. 322 УК и абзац первый ч. 3 ст. 323 УК после цифр «292,» дополнить цифрами «324,».

Данные корректировки подготовлены в соответствии с разработанной системой преступлений террористической направленности, а также с учетом соотношения преступлений с признаками терроризирования с преступлениями террористического характера. Указанные предложения будут способствовать унификации подходов к закреплению признаков составов преступлений, совершаемых методом терроризирования, а также благоприятно скажутся на усилении превентивного потенциала УК.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 18 июля 2000 г., № 424-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

2. О неотложных мерах по борьбе с терроризмом и иными особо опасными насильственными преступлениями [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 окт. 1997 г., № 21 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

3. О признании утратившим силу Декрета Президента Республики Беларусь от 21 октября 1997 г. № 21 [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 апр. 2001 г., № 203 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

4. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июня 2014 г. № 165-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

МОТИВ КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Плетенёва Д. А.

Понимание сущности мотива преступления в качестве квалифицирующего признака имеет большое теоретическое и практическое значение для дифференциации уголовной ответственности и для конструирования уголовно-правовых норм. Мотив раскрывает подлинное содержание общественно опасного поступка, характеризует степень общественной опасности деяния и важнейшие свойства личности виновного. Установление определенного мотива порой резко меняет уголовно-правовую оценку преступления. Мотив

раскрывает смысл и направленность человеческих поступков. Это психологическое понятие, которое выражает внутреннюю природу поведения человека. В общей психологии мотив связывается с потребностями личности – первичными (природными) и вторичными (материальными и духовными), с их удовлетворением.

Понятие мотива преступления производно от понятия мотива обычного, законопослушного поведения. С. А. Тарарухин применительно к уголовному праву предложил следующее определение мотива – это «осознанное побуждение (стремление) к совершению конкретного целенаправленного поступка (волевого акта), представляющего общественную опасность и предусмотренного уголовным законом в качестве преступления» [1, с. 14]. В. Н. Кудрявцев указал, что мотив – это «лишь основание для принятия решения действующим лицом, осознанная (или неосознанная) причина его поступка» [2, с. 49].

Б. С. Волков отмечает, что «мотив определяет поведение не сам по себе, а только в соотношении с целью, т.е. в связи с теми результатами, к достижению которых стремится лицо, совершая то или иное общественно опасное деяние» [3, с. 6]. П. С. Дагель пишет, что, так как мотив и цель определяют социальные позиции лица (позитивные или негативные), то в совокупности с объективными обстоятельствами способны влиять на характер и степень общественной опасности, а, следовательно, и на уголовную ответственность [4, с. 41].

Считаем необходимым подчеркнуть, что уголовно-правовое понимание мотива сводится именно к осознанию потребности, а как следствие этого – к осознанию своей общественной позиции. Мотив преступления непосредственно связан с моральными воззрениями и представлениями человека. Поэтому выделяются три группы мотивов: антиобщественные побуждения (низменные), общественно нейтральные и общественно полезные.

В УК Беларуси в качестве квалифицирующих признаков составов преступлений называются именно низменные мотивы. При этом задачей законодателя является отбор наиболее выраженных антиобщественных побуждений, которые не имеют никакого нравственного оправдания (например, хулиганские побуждения, корыстная заинтересованность и т.п.), и поэтому увеличивают степень общественной опасности совершенного преступления и личности виновного. Описываемые признаки должны иметь следующую особенность – наличие возможности доказывания мотивов при квали-

фикации содеянного. Поэтому задачей законодателя является выделение наиболее очевидных низменных мотивов.

Корысть как мотив совершения преступления в структуре преступности занимает одно из первых мест. В ч. 10 ст. 4 УК Беларуси под корыстными побуждениями понимаются «мотивы, характеризующие стремление извлечь из совершенного преступления для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат». Под выгодой понимается получение денег, имущества или права на него. Под намерением избавить себя от материальных затрат понимается уклонение от возврата долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др. [5].

Б. С. Волков полагает, что «корыстному мотиву соответствует строго определенная, только этому мотиву присущая цель – цель получения какой-то имущественной выгоды, пользы...». Поэтому наличие корыстного побуждения в деянии виновного лица исключает, например, возможность одновременной квалификации убийства по признаку – с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение [3, с. 27]. По нашему мнению, нельзя смешивать и противопоставлять цель преступления и его мотив. На практике вполне возможна ситуация, когда лицо по найму (т. е. из корысти) убивает главного очевидца уже совершенного им ранее преступления.

Хулиганские мотивы «имеют свою, особую, характерную для них социальную детерминацию» [3, с. 49]. В основе хулиганского побуждения лежит «стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития» (ч. 11 ст. 4 УК Беларуси).

Судебная практика исходит из того, что для признания деяния совершенным из хулиганских побуждений «необходимо исключить наличие других мотивов... определяющих поведение виновного при совершении этого преступления» [6, с. 46]. Однако преступление – это деяние, которое часто вызывается не одним, а несколькими мотивами. Иногда лицо вынуждено из множества вариантов поведения выбирать один, исходя из собственных установок, ценностных ориентиров. Большое значение в таких случаях приобретает установление соотношения мотивов общественно опасного деяния. Необходимо правильно определить «мотивы главные, основные, решающим образом воздействующие на волю виновного и определя-

ющие психологическую природу и субъективный смысл его поведения, и мотивы второстепенные, неглавные, как бы подталкивающие к выполнению уже готового намерения» [3, с. 21]. Так, стремление причинить лицу физический вред может быть обусловлено ревностью, но если при этом виновный специально выбирает публичное нанесение телесных повреждений, нарушая общественный порядок и, тем самым, демонстрируя явное неуважение к обществу, в его сознании доминирует хулиганский мотив, и данный факт должен учитываться при квалификации.

О том, что хулиганские мотивы имеют место, по мнению А. А. Энгельгардта, могут свидетельствовать следующие признаки:

- легковесность мотивации. Толчком к совершению преступления служит, как правило, незначительное обстоятельство, которое находится в полном несоответствии с совершенным действием и наступившими последствиями;

- ситуативный характер, скоротечность формирования и реализации хулиганских побуждений. Виновный совершает преступление без длительной психологической подготовки;

- публичный характер проявления. Преступление совершается в такой форме и при таких обстоятельствах, когда виновный заведомо оскорбляет общество в целом, пренебрегает людьми как членами общества. Выражение явного неуважения к обществу становится главным в данном преступном деянии [7, с. 66–68].

С последним признаком трудно согласиться. Хулиганские побуждения не следует смешивать с самим хулиганством, которое действительно чаще имеет публичный характер (хотя и не обязательно). Но из хулиганских побуждений совершаются и другие преступления. Убийство из ревности и убийство из хулиганских побуждений внешне могут проявляться совершенно одинаково.

Личная заинтересованность. Указанный признак характерен для составов преступлений со специальным субъектом (лицо, осуществляющее профессиональную или служебную деятельность) и его толкование представляет некоторую сложность. В отличие от корысти, личный интерес не всегда характеризуется проявлением высшей степени эгоизма, особенно, когда он обусловлен стремлением оказать услугу другому лицу или когда отражает интересы предприятия, организации или учреждения. На практике под иной личной заинтересованностью понимают следующие побуждения личного характера: карьеризм, протекционизм, желание приукрасить дей-

ствительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т.п. [8].

В. М. Хомич, применительно к должностным преступлениям, уточняет данную формулировку, указывая, что иная личная заинтересованность «охватывает все другие противоречащие интересам службы неимущественные побуждения личного характера...» [9, с. 968]. Схожий подход в определении личных интересов мы находим у украинских ученых [10, с. 991]. А. В. Наумов подчеркивает, что личная заинтересованность предполагает извлечение виновным выгод неимущественного характера [11, с. 757].

Мотив как квалифицирующий признак должен характеризоваться своей очевидностью. Однако такое наше утверждение не исключает использование законодателем оценочного квалифицирующего обстоятельства – иные низменные побуждения.

Оптимальное конструирование составов преступлений с использованием в качестве квалифицирующего признака мотива деяния – залог реализации принципа справедливости в правосудии по уголовным делам.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

- мотив как квалифицирующий признак *не должен быть типичным* для данного вида преступления и указывает на действительное нарастание общественной опасности деяния и личности виновного;
- в качестве квалифицирующих признаков преступления должны называться лишь мотивы, выступающие как *осознанное* побуждение;
- при конструировании квалифицирующих признаков, относящихся к побуждениям должно приниматься во внимание *наличие возможности доказывания* мотивов при квалификации содеянного;
- в основе совершения общественно опасного деяния могут лежать несколько мотивов, взаимно не исключających друг друга. При квалификации таких преступлений уголовно-правовой оценке подлежат *все юридически значимые побуждения*.

Список цитированных источников

1. Тарарухин, С. А. Установление мотива и квалификация преступления / С. А. Тарарухин. – Киев : Вища школа, 1977. – 149 с.
2. Кудрявцев, В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. – М. : Норма, 2007. – 128 с.
3. Волков, Б. С. Мотивы преступлений (Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование) / Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 152 с.

4. Дагель, П. Уголовно-правовое значение мотива и цели преступления / П. Дагель // Социалистическая законность. – 1969. – № 5 – С. 41-44.

5. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК): Постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2000 г., № 9 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 8. – 6/353.

6. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК): (по материалам обзора судебной практики) // Судовы весн. – 2003. – № 1. – С. 46.

7. Энгельгардт, А. А. О критериях отграничения хулиганских и личных мотивов в преступлениях против личности / А. А. Энгельгардт // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. – Свердловск : СЮИ, 1983. – С. 65-69.

8. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424-428 УК) : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 16 дек. 2004 г., № 12 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2005. – № 3. – 6/424.

9. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.

10. Научно-практический комментарий Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 года / под ред. Н. И. Мельника, Н. И. Хавронюка. – Киев: Изд-во А.С.К., 2004. – 1216 с.

11. Наумов, А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: коммент. судеб. практики и доктрин. толкование / А. В. Наумов ; под ред. Г. М. Резника. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 1024 с.

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ КАК НАКАЗАНИЕ ЗА НЕТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

Шидловский А. В.

Представления о социальной роли лишения свободы преступника в истории белорусского права и правосудия менялись. Изначально в средневековом уголовном праве лишение свободы практиковалось в форме выдачи преступника потерпевшему в рабство либо для казни. В такой форме наказание применялось в Великом Княжестве Литовском, в состав которого входили белорусские земли, до середины XVI в. В Судебнике Казимира 1468 г. была сделана первая попытка ограничить выдачу преступника или его жены и детей потерпевшему. Далее, Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. закрепил норму, допускавшую передачу преступника или его жены и детей потерпевшему не в качестве «нявольнікаў», а для отработки определенной суммы денег. Тюремное заключение применялось также для временного содержания подозреваемого до суда [1, с. 207].

В Беларуси лишение свободы как самостоятельный вид наказания получает правовое оформление и начинает практиковаться